Проблемы и ограничения определения вспомогательных средств в международном праве

Хинцагова Илона Таймуразовна
магистр, кафедра международного права, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
ilonakhintsagova@gmail.com

В настоящей статье исследуется правовая природа, юридический статус и функциональное назначение вспомогательных средств в системе международного права. В фокусе внимания находится проблема квалификации данных средств, которые носят строго производный характер: они не создают новых правовых обязательств, однако выступают важнейшим механизмом выявления, толкования и систематизации действующей нормативной базы. Рассматривается эволюция подходов к данной правовой категории в отечественной доктрине, а также анализируется нормообразующее значение решений международных судебных органов (на примере Нюрнбергского и Токийского трибуналов). Особое внимание уделяется дискуссии в рамках Комиссии международного права ООН о неисчерпывающем характере статьи 38 Статута Международного Суда. Обосновывается необходимость строгого разграничения вспомогательных инструментов и самостоятельных источников обязательств, к числу которых относятся односторонние акты государств и обязательные резолюции международных организаций. На основе анализа прецедентной практики Международного Суда ООН (дела Kasikili/Sedudu Island и Avena) аргументируется недопустимость закрепления закрытого перечня вспомогательных средств. Доказывается правомерность обращения судов к нетрадиционным материалам – в частности, к специализированным словарям, которые де-факто способны выполнять функции квалифицированной доктрины. Делается вывод, что сохранение практической гибкости при выборе вспомогательных средств является необходимым условием для преодоления правовой неопределенности и эффективного функционирования международного правосудия.

Ключевые слова: международное право, источники международного права, вспомогательные средства, судебные решения, доктрина, толкование норм, Комиссия международного права ООН, Международный Суд ООН.

Вспомогательные средства, как бы они ни были важны, не могут заменить собой источники международного права. Они не участвуют в согласовании воль государств и не создают новых обязательств. Их применение возможно в рамках уже существующей нормативной базы. Вспомогательных средств в юридической практике выступают инструментами интерпретации и систематизации, способствуют развитию международного права, однако сохраняют производный характер по отношению к его источникам.

В отечественной традиции международного права, особенно в советский период, ведущей методологической установкой выступало понимание международного права как системы норм, возникающих в результате согласования воли государств и закрепляющихся через их практику и признание обязательности соответствующего поведения [6, с.88]. В рамках указанной установки первоочередное внимание уделялось механизмам образования норм, условиям их возникновения и факторам, обеспечивающим их устойчивость в международной нормативной системе. Это предопределяло то, что категория «вспомогательных средств» в ряде работ осмыслялась преимущественно через призму правотворчества, то есть как совокупность явлений, сопровождающих или облегчавших формирование и развитие норм, а не как инструмент их определения судом в ходе разрешения спора.

На указанном фоне «вспомогательные средства» нередко трактовались как факторы формирования международного обычая либо развития договорного регулирования, в том числе через интерпретацию договоров, кодификационную деятельность международных органов и доктринальную обработку материалов практики [2, с.90]. Так, при анализе обычая интерес правоведов закономерно концентрируется на реконструкции практики государств и выявлении признания ее в качестве правовой нормы, при этом судебные решения и доктрина рассматриваются как материалы, способные систематизировать практику, фиксировать формулы правовых положений и тем самым опосредованно влиять на становление обычной нормы. Аналогично, в договорной сфере доктрина и судебная практика могут рассматриваться как факторы, влияющие на толкование договоров и унификацию аргументации, что способно отражаться на последующем поведении государств и формировании договорной практики.

Судебные решения, прежде всего международных судов, а также труды квалифицированных специалистов по международному праву в ряде случаев могут рассматриваться как вспомогательные средства международного права. Они не формируют нормы самостоятельно, но выполняют функцию их выявления и уточнения. Их значение особенно возрастает при возникновении разногласий между государствами относительно содержания или применения конкретной нормы. В первую очередь это относится к решениям международных судов, которые при соответствии общепризнанным правовым представлениям могут играть существенную роль в процессе интерпретации и практического применения международно-правовых предписаний [3, с.275].

Термин «судебные решения» как источник международного права может охватывать прежде всего акты международных судебных органов. Речь идет, в частности, о международных военных трибуналах, учрежденных союзными державами после окончания Второй мировой войны. Эти трибуналы рассматривали дела руководителей нацистской Германии и милитаристской Японии в Нюрнберге и Токио. Приговоры и решения указанных органов международного правосудия носили наднациональный характер. В них была дана правовая оценка агрессии как тягчайшего преступления против мира. Суд также квалифицировал военные преступления и преступления против

человечности и назначил наказание лицам, признанным виновными. Юридическое значение этих актов выходит за пределы конкретных процессов. Как сами решения, так и уставы и регламенты трибуналов сформировали нормы международного уголовного права. Сформулированные в них положения закрепили принципы ответственности за агрессию и иные тяжкие международные преступления. Таким образом, практика этих трибуналов стала положительным международно-правовым прецедентом. Закрепленные ими правила могут применяться и в дальнейшем к лицам, совершающим акты агрессии или иные преступления аналогичного характера [3, с.277]. Более того, дискуссионным представляется следующее. Принято считать в научном сообществе, что статья 38 Статута предлагает неисчерпывающий перечень вспомогательных средств для определения правовых норм.

Так, например, в докладе Специального докладчика Комиссии международного права ООН (далее – КМП) приводит конкретные примеры возможных дополнительных средств, обсуждаемых в международно-правовой доктрине и практике:

1. Односторонние акты (или декларации) государств – Специальный докладчик указывает, что односторонние акты государств, включая заявления государственных должностных лиц, которые могут привести к возникновению юридических обязательств, являются одним из двух наиболее распространенных примеров, обычно встречающихся в литературе при обсуждении возможных дополнительных вспомогательных средств [1, с. 137]. При этом подчеркивается, что в теоретическом плане такие акты могут рассматриваться двояко: либо как основной источник обязательств для государств, либо как вспомогательное средство для определения норм права. Однако далее в докладе делается более определенный вывод: поскольку Международный Суд в делах «О ядерных испытаниях» подтвердил, что заявления, сделанные в форме односторонних актов и касающиеся правовых или фактических ситуаций, могут повлечь за собой возникновение юридических обязательств, а руководящие принципы Комиссии относительно односторонних заявлений государств также исходят из того, что публичные заявления, выражающие волю взять на себя обязательства, способны порождать юридические обязательства, такие акты не следует считать вспомогательными средствами. По мнению Специального докладчика, они скорее не имеют естественного места в пункте 1 статьи 38 Статута и потому не должны квалифицироваться как вспомогательные средства в собственном смысле этого положения.

2. Заявления государственных должностных лиц – Специальный докладчик прямо указывает, что среди двух наиболее распространенных примеров, обычно встречающихся в литературе при обсуждении возможных дополнительных вспомогательных средств, называются «односторонние акты государств, включая заявления государственных должностных лиц, которые могут привести к возникновению юридических обязательств» [1, с. 137]. Далее поясняет докладчик, что публичные заявления, отражающие волю взять на себя обязательства, могут иметь следствием возникновение юридических обязательств. Именно поэтому Специальный докладчик приходит к предварительному выводу, что такие заявления не следует считать вспомогательными средствами: поскольку при соблюдении определенных условий они сами являются юридически обязательными, более правдоподобно рассматривать их не как вспомогательные средства, а как возможные источники юридических обязательств, которые не имеют естественного места в пункте 1 статьи 38 Статута.

3. Резолюции и решения международных организаций – Специальный докладчик отмечает, международными что положения организациями или резолюций, принимаемых межправительственными конференциями, могут быть как обязательными, так и необязательными. Если такие резолюции обладают обязательной силой, они являются источниками юридических обязательств для соответствующих государств. В качестве примера приводятся некоторые резолюции Совета Безопасности ООН, обязательность которых вытекает из главы VII и статей 24 и 25 Устава ООН [7]. В то же время подчеркивается, что существуют и необязательные резолюции.

4. Соглашения между государствами и международными предприятиями, религиозное право, справедливость и мягкое право – в докладе Специального докладчика соглашения между государствами и международными предприятиями упоминаются как один из возможных вариантов дополнительных вспомогательных средств для определения норм международного права, однако их анализ носит лишь постановочный (вопрос только ставится и обозначается, но не разбирается подробно), а не развернутый характер. Впервые они названы в общей части доклада, посвященной возможной сфере охвата темы, где Специальный докладчик указывает, что помимо наиболее часто упоминаемых односторонних актов государств и резолюций международных организаций можно было бы также рассмотреть вопрос о существовании дополнительных вспомогательных средств, «таких как справедливость, религиозное право или соглашения между государствами и международными предприятиями» [1, с.20-21].

Однако вес от «других» вспомогательных средств зависит от нескольких факторов, включая тщательность и объективность. Например, результаты работы КМП занимают особое место в научном сообществе. Наличие экспертных знаний у лиц, участвующих в составлении текста, также повышает его значимость. Уровень согласия или поддержки внутри органа, принявшего документ, и восприятие этого документа государствами также напрямую влияют на его значимость. Все эти факторы в равной степени применимы как к средствам, прямо упомянутым в статье 38 (1) (d), так и к иным вспомогательным средствам [1, с.142].

В международном праве вопрос о вспомогательных средствах для определения правовых норм неизбежно оказывается в центре более широкой дискуссии о соотношении формальной определенности и практической гибкости. С одной стороны, представляется оправданным не очерчивать такие средства слишком жестко. Международно-правовая система по самой своей природе децентрализована, в ней отсутствует единый законодатель, а многие нормы формируются постепенно, через согласование воль государств, практику, opinio juris, судебное толкование и доктринальное осмысление. Именно поэтому судья нередко сталкивается с ситуацией, когда договорная норма сформулирована абстрактно, обычная норма не имеет текстового закрепления, а применимое правило требует уточнения через контекст, цели, последующую практику или даже через внешние по отношению к традиционному перечню источников инструменты. Безусловно если закрепить закрытый список допустимых вспомогательных средств, это может привести к излишнему формализму, который будет препятствовать установлению действительного содержания нормы. Гибкость здесь выступает не как недостаток, а как необходимое условие для здорового функционирования суда.

Однако, с другой стороны, полностью отказаться от очерчивания круга таких средств невозможно. Причина заключается не только в требованиях правовой определенности, предсказуемости судебного решения, но и в самой практике международных судов и трибуналов, которая демонстрирует, что при отсутствии легальной дефиниции или ясного нормативного предписания суды систематически прибегают к самым различным материалам для подтверждения содержания нормы.

Хотя международное право ассоциируется со строгим набором конвенций, обычаев и общих принципов права, однако на практике международные суды регулярно сталкиваются с разного рода проблемами. Суд зачастую руководствуется правилами толкования договоров, вытекающими из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, и требованием устанавливать обычное значение терминов в их контексте и в свете объекта и цели договора. Судьи часто обращаются к нестандартным источникам, которые формально не относятся к

классическим источникам международного права, но фактически помогают установить содержание применимой нормы или значение спорного понятия.

Показательной в этом отношении является практика Международного Суда ООН, в частности, дело об острове Касикили/Седуду. Спор касался принадлежности небольшого (около 3,5–5 кв. км) необитаемого острова в реке Чобе, который Намибия называла Касикили, а Ботсвана – Седуду. Остров ежегодно затапливался в сезон дождей и использовался местным племенем басубия в сельскохозяйственных целях. Стороны обратились в Международный Суд попросив определить границу вокруг острова и его правовой статус, опираясь на англо-германский договор 1890 года, который устанавливал границу между сферами влияния двух империй по главному руслу реки Чобе. Договор 1890 года не определял понятие основной канал (main channel). Суду потребовалось установить технический гидрологический критерий, чтобы определить, какой из двух рукавов реки Чобе является основным, для этого он обвалился к французскому словарю поверхностной гидрологии с эквивалентами на английском, испанском, немецком языках» [5, с.23].

Также показательным представляется и дело Avena and Other Mexican Nationals. Спор касался нарушения США статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях в отношении 54 мексиканских граждан, приговоренных к смертной казни. США не информировали их без задержки о праве связаться с консульством и не уведомили само консульство Мексики. Мексика утверждала, что это лишило ее возможности своевременно оказать своим гражданам консульскую помощь и юридическую защиту. Центральным вопросом стало определение того, что означает фраза «without delay» (без задержки) и какие правовые последствия влечет ее нарушение. Так суду пришлось обратиться к словарям, чтобы установить значение этого термина в разных языковых версиях Конвенции» [4, с.40].

Отсюда возникает вопрос: можно ли рассматривать словарь как разновидность доктрины наиболее квалифицированных специалистов, если суд использует его для установления значения термина? Ведь в деле Kasikili/Sedudu Island Международный Суд обратился к специализированным гидрологическим словарям, чтобы определить понятие «основной канал», не имевшее легальной дефиниции. Если суд признает авторитетность такого источника и полагается на него как на вспомогательное средство, то словарь фактически выполняет ту же функцию, что и доктрина.

Литература

1. Джалло Ч.Ч. Первый доклад по теме «Вспомогательные средства для определения норм международного права» // Комиссия международного права ООН. Семьдесят четвертая сессия. № A/CN.4/760. 13 февраля 2023. С. 145.

2. Лукашук И.И. Источники международного права // Киевский орден Ленина Государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Киев. 1996. С. 142.

3. Минасян Н.М. Источники современного международного права. Том I // Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Ростовский государственный университет. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. г. Ростов-на-Дону. 1961. С. 644.

4. МС ООН. Дело Авены и других мексиканских граждан (Мексика против Соединенных Штатов Америки) // Решение от 31 марта 2004 года. Сборник решений. С. 40.

5. МС ООН. Дело об острове Касикили/Седуду (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) // Решение от 13 декабря 1999 года. Сборник решений. С. 23.

6. Тункин Г.И. Теория международного права // Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова // М.: ИКД «Зерцало М». 2016. С. 416.

7. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г // United Nations.

Problems and Limitations of the Determination of Subsidiary Means in International Law

Khintsagova I.T.

Lomonosov Moscow State University

This article examines the legal nature, status, and functional purpose of subsidiary means within the system of international law. The focus is on the legal qualification of these means, which are strictly derivative in nature: they do not create new legal obligations, but rather serve as a crucial mechanism for the determination, interpretation, and systematization of the existing normative framework. The paper explores the evolution of approaches to this legal category in domestic doctrine and analyzes the norm-creating significance of international judicial decisions (using the Nuremberg and Tokyo tribunals as case studies). Special attention is devoted to the discourse within the UN International Law Commission regarding the non-exhaustive nature of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice (ICJ). The study substantiates the necessity of strictly distinguishing subsidiary instruments from independent sources of legal obligations, such as unilateral acts of States and binding resolutions of international organizations. Based on an analysis of the ICJ's case law (specifically, the Kasikili/Sedudu Island and Avena cases), the paper argues against the establishment of an exhaustive list of subsidiary means. It validates the legitimacy of courts resorting to non-traditional materials—namely, specialized dictionaries, which can de facto fulfill the functions of the teachings of the most highly qualified publicists. Ultimately, the article concludes that preserving practical flexibility in the selection of subsidiary means is a prerequisite for overcoming legal uncertainty and ensuring the effective administration of international justice.

Keywords: international law, sources of international law, subsidiary means, judicial decisions, legal doctrine, interpretation of norms, UN International Law Commission, International Court of Justice.

References

1. Jalloh C. C. First report on subsidiary means for the determination of rules of international law // International Law Commission. Seventy-fourth session. UN Doc. A/CN.4/760. 13 February 2023. P. 145.
2. Lukashuk I.I. Sources of International Law // T.G. Shevchenko Kyiv State University of the Order of Lenin. Kyiv. 1996. P. 142.
3. Minasyan N.M. Sources of Contemporary International Law. Vol. I // Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. Rostov State University. Dissertation for the Degree of Doctor of Juridical Sciences. Rostov-on-Don. 1961. P. 644.
4. ICJ. Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America) // Judgment of 31 March 2004. Reports of Judgments.
5. ICJ. Kasikili/Sedudu Island (Nicaragua v. United States of America) // Judgment of 13 December 1999. Reports of Judgments.
6. Tunkin G.I. Theory of International Law // Edited by Prof. L.N. Shestakov // Moscow: ICD "Zertsalo M". 2016. P. 416.
7. Charter of the United Nations of 26 June 1945 // United Nations.